

ДНЕВНИК
ИСКУССТВ

Поет Эмиль Горовец

Вышла конференсе М. Полонская и сказала, что песни народов мира будет петь лауреат Все-союзного конкурса артистов эстрады... Это единственный почетный титул Эмиля Горовца. И когда его назвали, зрители, быть может, подумали про себя: а что это—много или мало для него? Лауреат — значит, лучший исполнитель на конкурсе. Это вполне вероятно, только конкурс ведь был еще когда, а Горовец поет и поет, и в его искусстве с каждой новой песней происходят увлекательные открытия, кажется уже невозможные в таком массово-потребляемом жанре, как эстрадная джазовая песня.

Когда слушаешь его по радио, воспринимаешь односторонне: растворенный в красивой мелодии, согретый ритмом, звучит в эфире его богатый по тембровой окраске голос. Но вот Горовец выходит перед тобой на эстраду и заявляет о своем обязательном стремлении не только ласкать твой слух и будоражить «танцевальные рефлексы», но пробиться к самому сердцу и сознанию слушателя. При этом джаз остается джазом, а лирика лирикой.

Он пришел к этому песенному жанру, коронованному сегодня на нашей эстраде, уже зрелым человеком, позлаившим в искусстве многое.

Он очень серьезно работал на эстраде и потому, наверное, придя в джаз, скептически отнесся к чисто формальным проявлениям моды. Главным для него был и остается человек, раскрывающийся в песне: Новый репертуар его популярен, но Горовец заста-

вил внимательно прислушаться к нему еще раз и доказал, что при всей его известности слушатель подчас упускает из этих песен самое важное: их человеческое содержание.

Он будет петь о любви так, что чувство это станет воистину воспетым, а не скомпрометированным (как это иногда случается). Он будет шутить так, что в зале и в самом деле поймут, как остроумен предмет данной песни. Он объявит «Арлекино» — и по рядам пройдет шумок: песню эту любят, особенно припев, такой он доступный, такой привычный. А потом Горовец начнет петь этого «Арлекино», и зал забудет о рефрене и припеве, а поймет, наконец, что у песни весьма трагическое содержание. Певец откроев в музыке качество, стертое от слишком частого употребления.

Он очень любит петь притчи. И кто бы их ни написал: Клаудио Вилла или композитор из Болгарии, будь эта песня-притча русской или принадлежи она музыке другого народа — в ней прежде всего ощутим мы самого Горовца, умного, думающего певца.

Но он почтительно относится и к современным танцевальным ритмам, и дает нам насладиться ими, и при этом даже чуть-чуть подбуживает над всеобщей увлеченностью этими ритмами. Вот тут он может позволить себе не придавать большого значения тексту, который в данном случае ничего не значит, он станет «пробрасывать» его, и мы забудем про «Сто двадцать тысяч поцелуев», о которых бесконечно гово-

рится в песне, а будем воспринимать зажигающий ритм и смотреть танец.

Есть еще одна принципиальная особенность в творчестве Горовца: он тоже микрофонный певец, но он певец прежде всего. Микрофон для него не компенсатор недостатков голоса, а средство разнообразить тембровые краски, укрупнить и сделать отчетливыми интонационные и ритмические нюансы. А что касается голоса, то никто не сомневается в его подлинности. Горовец дает нам насладиться им в полной мере, да и сам, кажется, получает удовольствие от того, что может петь «в полный голос». Он не показывает его, не кокетничает им, но считает для себя невозможным петь без большой силы и страсти. Безупречна его вокальная техника, высок диапазон, а доминирующий над всем этим отличный, истинно художественный вкус превращает природные данные и технику в совершенное искусство.

Горовец обладает своеобразным актерским «эффектом отчуждения»: темпераментную «Мехико» он может затянуть этак меланхолично и с видимым равнодушием; будут злетать высокие рулады, поражающие чистотой и легкостью, а певец останется чуть безучастным к ним, словно они рождаются и переливаются помимо его желания, сами собой.

Вот так разнообразно он исполнителские средства, главным из которых всегда остается музыка.

В. КАЛИШ.